Здравствуйте, дорогие все! Кандалу 25/V 57 г.

60

Мечте мужчине родиз двойню, чем мне ссоз за письмо к вам. Чего так? И очень понятно! С чего начаз? Ведь с робой, Шура, я не видела - сколько? - иг 6, и каких! С Керёнкой - горе „годных" 3½-4 года. У, а с вами, Лиа, я и вовсе не знакома сидс. Об Уриге не говорю - это личность, которая достойна упоминания в другом конпекте. Итак, как-ус быо? Прежде всего, ухму вашу руку, Лиа, и считаю ус этим все наши с вами церемонии „знакомоза" окончены. То, что мноусно зназ обо мне, передали вам, я надеюсь, Керёнка и Шура. А что не „полно" так и ничего, поскуусвенно. Я крепко надеюсь на то, что мы скоро увидимся вочно, а не - „вокаутно", и тогда всё будет годно - Ну, и вот! с чего-ус начаз мои писанки? Повинуясь твоей, Керёнка, указанию (я открыку ваш порядок - спасибо), начинаю сразу с момента выхода из Суздаля. Как вы знаете, я ещс пред- дни нашего из страны с 40° жары в страну с 40° хоуд. Поездка эта длилась около 27 месяцев о ней подробно гово- рить не буду, ибо интересно в устной ре- че, где «великого, могучего» русского языка» звучит вольно и живо, не ограничиваясь показом жестикуляции и мимики. В общем,

скайся: по всему более раннему опыту, этот путь удавался еще — и не мало. Выехал я из Суджака на санях, в бронной доке, при 20° мороза. Когда я приехал в Ашхабад, тут уже отцветал урюк (род абрикоса), и соловьи в городском саду вспоминали об истекшей весне. Выпал я на свободу 30-го апреля, и когда первый раз прошел по улицам города, по вездесущим улицам города Ашхабада, и это оказалось не одним из многих снов, пережитых за 3 года, — тогда я ощутил нечто совершенно особенное. Называть это не буду — оно "не называется". Но все меня поймете, правда? — Да. А на второй день было 1-е мая, город был в праздничке, — а я рожи. Ходил вместе с толпой по бульвару от солнца и пыли улицами, впивал в себя все эти краски, шумы и запахи. Я уже писал родным, что наибольшее удовольствие доставили мне в тот день (и по сей день) — девушки. Турчанские, персидские и иные. Отвыкших чувств у меня нет, но после 3-х лет взрослого мусульманского общества все девушки вызывали у меня умиление, а все девушки и женщины казались какими-то дивными красавицами. Что касается до евреек, они тут действительно красивы, особенно персидские: маленькие, очень экономно одетые, грязные, кудрявые и с копной блестящих черных волос на голове. А глаза! Куда там еврейским девам! И когда такое вот существо глядит на тебя, на „европейца", тем решается кликнуть вдогонку: „урус адам яман" (первые два слова и так понятны, а яман — „плохой") — то на душе становится весело. — К городу я сразу как-то привык: к его плоским одноэтажным домам и длиннейшим заборам из кирпича-сырца, к его солнцу, к ишакам, верблюдам, к пестрому его населению. А население тут очень разнообразное — есть представители Европы, Азии (в том числе ближнего, среднего и дальнего востока) и даже Африки. Тут персы, курды, армяне, грузины, турки, армяне, туркмены, узбеки, русские, евреи, китайцы и даже — японцы. Словом, если-бы иметь время и силы — можно было бы изучить не один восточный язык зарисовать не одну экзотическую фигуру. — Но вот к чему я никак привыкнуть не могу — это к здешней, чисто восточной пыли. Мои глаза отказываются работать, когда налетает ветер и приносит тучи тонкой пыли. На улицах она лежит толстым слоем (в персидской части города одновременно) и от малейшего движения взлетает столбом. Боюсь, что придется одевать автомобильные очки. — Что до жары, то этот год вообще считается „голодным": свыше 50° на солнце температура еще не поднималась, а в тени — около 35°. Более или менее можно переносить ее, ну, ладно, потому что она сухая, да не влажная, и потому, что

61 об

Новогодние. А вот когда будет 65°–70° на солнце и когда ночь будет пылающая и душная – вот когда я узнаю Кузькину мать. Тут это бывает – жуть вроде вашего кипения, только не на час, а дольше. А пока – я хожу в тюбетейке под солнцем – и пишу.

— Вокруг Ашхабада (а знаете-ли вы, что Ашхабад – это значит: город любви...?) высятся горы — Копет Даг. Они кажутся мне очень высокими, эти горы, и очень близкими. Не знаю, как с высоты – на них все уже есть снег; но с близкого – чудес: они на пограничной границе, в серебрах с 35 от города. И кажутся – вот вот они, тают в голубой солнечной дали. Свои подходцы...

Да, но чем же я делаю в Ашхабаде? Прежде всего – я бегаю. У меня, как кажут усемудка, неутолимая беговая стихия. К ней работа. Только лишних своих спецодежек – я еще чертенок. Так вот, недавно я поступил в Управление усп. дор., курьером. К сожалению, я ашхабадец так только 6 дней, получил за них (т.е. за 5, не считая пятницы – дня обувки) 15 р. с копейками и был уволен. Финал печальный, но не слишком.. Я надеюсь чр заработать на жизнь слову – на службе-ли, уроками или как-нибудь.

Задел — обязусь скрипка, или играть где-нибудь в оркестре, или ... ходить по двадцать. А?... Ничего, ничего, я шучу, по двадцать ходить я не буду — это очень скучно, и потом — мне ведь понадобится композитор, который на ковдике показывал бы, где дырка нотная и отводит с шапкой увлекательных зрителей, — а такой помощник отсутствует. — Пока я играю кого-для себя, несколько дней тому назад мне получил из Сурдаль скрипку, свой юный и рисунки. Хочется, сидя в Сурдаль, что за 3 года (фактически — за пять...) напишешь сильно окорочек, но во-первых — я обещал увидеть — хорошей, а во-вторых — я уже поправил кое-что на мизинце, как сегодня левой "линии", и хочу сохранить ее для себя", как отдых души. А для этого нужно восстановить элементарную технику — я довольно много. Между прочим, я имел уже свои 4 вещицы, написанные в Сурдале. Как я и оценил, 2 из них оказались ничего, 1 — так себе, а 1 — плохая. Но бог бедный — в декабре кое-кое. Вот такая чепуха несусветная, что и денег жалко на нее. — Был я пару раз на концертах. Один — вокальный концерт квартета, из Москвы. Прекрасная музыка и большое мастерство певцов одного восхитили меня. Зато другой — симфонический концерт местных

сын — видел. Меня только в первом отделении: я поздно сбежал, ибо, хоть одно ухо (левое) у меня очень мало слышит, но другое, к несчастью, обладает абсолютным слухом. Поэтому я голос сук на чердачке и завыл по-собачьи, в случае чего. А это был именно такой случай...

Был я много раз уже в кино, уливался с цивилизацией и ее плодами после 3½ лет отрыва. И вообще, часто хочу гулять — тут сук пяк замечательный! Я видел изумрудный Гомельский пяк графа Пасквича, и заявляю, что Ашхабадский не уступит в оазе. Помимо всего — там соловьи, хоть и не курские, но все же грузинские. А сколько грузинских поэтов вдохновили эти соловьи!

Зачем, можно ходить за город, на холмы — там кустарь, видны синие горы и всегда там ровно и сильно дует ветер с гор. И так как там небезопасно вечером, то мы ходим с огромной собакой, волкодавом, ее зовут Кучум и он обладает удивительной силой и звериной хваткой; не лает, не ворчит, а прямо бросается и хватает — обыкновенно за горло, в глубоком молчании. Теперь он уже отучен от этой некультурной манеры, но раньше он был выдрессирован контрабандистами, очевидно. Я с ним подружился, после некоторого предварительного периода, в течение которого Кучум кидался на меня со своей цепи, а я почтительно обводил его логово. Теперь он изменил мое боязливое уважение на дружбу — и мы оба выиграли.

Живу я в комнате, отдельной, хозяева — узбеки. Комната с земляным полом и балками на потолке, но обставлена прекрасно. Тут с комнатами очень трудно, особенно после Заполярья. Да! Забыл сам рассказать! Ведь в первый же день моего приезда сюда земля „не выдержала и зарябилась" — и очень сильно. Изумительное это ощущение, — когда твердь земная шевелится под тобой, ворчит, волнуется и заставляет тебя буквально танцевать, как на палубе судна, идущего полным ходом из Одессы в... Ханкей. А дома! Кричат, шумят, трескаются и в разгуливы обрушиваются на двое голову кусок стены или забора. За-ме-чательно! Если бы не усталость — я они были — я ощущал бы большой интерес к подобным случаям с людьми.

А в результате — квартирная хозяйка сама стала больше.

О своих „семейных" делах много не пишу. Был период, когда мы с Бэлой очень было повесили нос на квинту, думали, что дело с ее цингой — вещь невозможная. А вот дня три тому назад

6305.

Я получил от нее телеграмму, где сказано, что перевод разрешен. Вам это окончательно, что она будет рядом с вами сказать? Я уже скажу иначе, как и всегда: "подождал - пяти лет - дай другому подождать"... А мы ждали друг друга ровно 5 лет, как одна копейка - нога в чего знал. Так ведь? —

Ну милая Вы моя, я писать кончаю. Не видно вам ни одного вопроса - я надеюсь, что Вы сами - все! - напишете мне обо всем, что вас интересует за ещё добавлю я немного, что по поводу сказанного ранее мною. Не забудьте написать о своих новых знакомых - где они и что они. А если-бы Вы могли каждодневно из них посылать письма сделать это можно. В каждом письме всем одесситам. Вы их видите? А Соню и Мишу? А Олечку? Я с восторгом поцеловал-бы от каждого из них по письму, и, вдогонку, отправил-бы.

Ну, будьте здоровы, пишите об Урике всё, что он. достоин и поцелуйте его лишний раз за меня за среднеазиатского дядюшку. Крепко обнимаю всех вас и целую. Пишите. Ваш Ваня.

Мой адрес: г. Ашхабад Т.С.С.Р. Бухарская ул. 25